

В.Н. БАЗЫЛЕВ

Москва

Саморефлексия русского языка

Статья посвящена разъяснению основных идеологических и историко-филологических мифов, связанных с русским языком. Представляется новое направление отечественной филологии — криптофилология.

Ключевые слова: *криптофилология; мифология языка; история русского языка; языковая политика; языковая картина мира.*

Наша статья преследует две цели. Первая — научно-просветительская. Из нее учитель может узнать о том, что представляет собой такое актуальное направление отечественной науки о языке как криптофилология. Вторая — прагматическая. Сведения, почерпнутые из статьи, помогут учителю ответить на возможные вопросы учеников об идеологической и исторической подоплеке современных мифов о русском языке и об истории русского языка. Такие вопросы могут быть адресованы и учителю истории, и учителю русского языка, если учащиеся ознакомятся, например, с циклом передач канала ТВ 3 или с серией историко-филологических программ М. Задорнова. Мифы о русском языке получили хорошее освещение в работе Д.Б. Гудкова и Е.Ю. Скороходовой, например, миф о сверхдревности русского языка, миф о его исключительном богатстве и сложности, миф о угрозах русскому языку, который теряет свою чистоту и правильность [Гудков 2010: 200]. Именно к этой книге мы рекомендуем обратиться учителю для первичного знакомства с предметной областью.

*Базылев Владимир Николаевич, доктор филол. наук, профессор МПГУ.
E-mail: vladimir@4unet.ru*

Криптофилология — это направление исследований, занимающееся собиранием, описанием, анализом и интерпретацией этногенетических нарративов, созданных в рамках духовно-практического знания. Последнее понимается, как «возникающее из непознавательного контекста знание об общении, бытовое, культово-регулятивное и художественное» [Касавин 1998: 47], т.е. речь идет о саморефлексии языка, как это вынесено в заголовок статьи. А общество лишь рефлексировало по поводу языка.

Как оно рефлексировало, показывают данные экспериментального исследования концепта «Русский язык» в русском коммуникативном сознании, проведенного под руководством проф. И.А. Стернина. Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос: «Русский язык — какой?» Предлагалось дать пять ассоциативных реакций, время на выполнение задания не ограничивалось. Эксперимент позволил выявить общие представления взрослых носителей русского языка о своем языке, а также обнаружить возрастные и гендерные особенности данного концепта. В результате эксперимента выяснилось, что в русском коммуникативном сознании в целом в концепте русский язык наиболее яркими когнитивны-

ми признаками можно признать следующие: красивый, богатый, сложный, нужный, родной, могучий, грубый, скудеющий. В результате в концепте доминируют позитивная эстетическая оценка языка и прагматическое представление о его трудности, объемности и необходимости. Обратим внимание на одновременное наличие противоречащих друг другу признаков – красивый и грубый, а также на наличие признака скудеющий, указывающего на возникшую тревогу за состояние родного языка. Последнее – результат общественной кампании в защиту русского языка, развернувшейся в последнее время в стране, тогда как несколько лет назад побочные признаки в русском коммуникативном сознании не отмечались (см.: [Стернин 2005: 150–151]).

Основная задача, которая стоит перед новым направлением отечественных исследований русского языка, – текстологическая интерпретация этногенетических нарративов с позиций междисциплинарного подхода: собственно филологического и лингвистического, а также психолингвистического и социолингвистического, с позиций политической лингвистики и когнитивной лингвистики. Основная цель – создание модели функционирования этногенетических нарративов, содержанием которых является в нем аутентичное знание о национальном (этническом) само-сознании и само-осознании; моделирование процесса политизации этногенетических нарративов с такими переменными, как языковая политика и языковая ситуация.

В качестве доступного источника для знакомства с основами криптофилологии учащимся можно рекомендовать книгу автора [Базылев 2012].

Обратим внимание на то, что «плодородной» почвой и для возникновения мифологем о русском языке, и для их активного общественного обсуждения была и остается одна особенность историко-филологического знания в России в целом, а именно – его «идеологизация». Б.А. Успенский обратил в свое время внимание на то, что штудии и споры о языке или художественной словесности в Рос-

сии XVIII и XIX вв. были цензурным заменителем политических дискуссий, невозможных по внешним условиям. По его словам, «это объяснение восходит, в конечном счете, к известному положению Герцена о роли русской литературы как единственной общественной трибуны в стране, лишенной политической жизни» [Успенский 1996: 413]. Перефразируя слова Б.А. Успенского и основываясь на них, можно сегодня говорить о том, что проблемы отечественной филологии становятся тем камертоном, который отвечает на звучание всех наиболее острых общественных проблем России. Общекультурные вопросы, которые на Западе реализуются в дискуссиях вокруг жанровых запретов, допустимых сюжетов и т.п., в России в первую очередь активизируют проблему языковой политики, языкового строительства и стимулируют в целом интерес к языку. П. Серю так опишет сегодняшнюю принципиальную разницу между западной и российской ситуацией: «Конечно, во Франции в кругах окситанистов можно услышать дискуссии о том, является ли гасконский язык тем же самым, что и лангедокский, или не является, но эти споры не выходят на экраны телевизоров в прайм-тайм. В России, напротив, сложилась настолько серьезная ситуация, что даже такой профессиональный лингвист, как А.А. Зализняк, чувствует себя обязанным выступать против Новой парадигмы в публичных лекциях» [Серю 2012: 187]. Все дело в том, что секуляризация русской культуры, в ходе которой государство приняло на себя ответственность за конечное преобразование мира и реализацию утопии на земле, привело к тому, что филологическая проблематика из сферы научной и педагогической утопии переходит в область государственной практики. Правда, все дальнейшее самой политической действительностью снова передается научному и педагогическому сообществу. Ср.:

Мы знаем всеохватывающую, объединяющую роль культуры, истории русского языка для нашего многонационального народа и с учетом этого должны выстраивать государственную политику <...>. (Из послания

Президента В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. Москва, Кремль).

Целью Общества является консолидация усилий ученых, педагогов, деятелей культуры, мировой общественности для сохранения ведущей роли русского языка <...>. (Из Выступления Президента В.В. Путина на I Съезде Общества русской словесности 26 мая 2016 года).

Сегодня мы становимся свидетелями возврата общества к пониманию языка как способа формирования национального самосознания, роста интереса в общественном (массовом) сознании к вопросам этнической самоидентификации, а также к вопросам собственной этнической истории, реконструкции происхождения и места в мире (среди иных народов), накопления текстологических данных об этногенетических нарративах в таких областях, как история, этнография и художественная литература, разработки методики исследования этногенетических нарративов, возникновения необходимости в разработке собственно филологического подхода и критике этногенетических нарративов (см.: [Базылев 2014]).

Цели определены достаточно четко. Не менее четко сформулированы и задачи, которые преследуют авторы криптофилологических сочинений. Таких основных задач четыре. Задача первая: создать альтернативную историю происхождения и расселения народов. Задача вторая: заявить об истинной функции и миссии России в этом мире. Задача третья: спасти русский язык. Задача четвертая: использование русского языка как инструмента познания реальности.

Эти задачи трактуются с очень серьезных общественно-политических и духовных позиций. Они не случайны, не фрагментарны. Они системны в издательской практике, в восприятии читательской аудитории, в пропаганде.

Иллюстрацией системности криптолингвистических публикаций является, например, тот факт, что книга И.А. Голубева «Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма о кернах» издана при финансовой

поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России». Книга, как гласит аннотация, «будет интересна всем ценителям русского языка, в то же время хотелось бы видеть его в качестве настольной книги у старшеклассников и студентов» [Голубев 2007].

При всем том важно и нужно знать и помнить, а учителю необходимо быть в курсе и суметь объяснить ученику, что все эти кажущиеся псевдоязыковыми «штудии» не являются исключительно явлением дня сегодняшнего. Они вписаны в историю, и мы наследуем то, что оставили нам предыдущие поколения. Поэтому понимание ретроспективы проблемы также важно для правильного объяснения ее, как и анализ сегодняшней ситуации.

Напомним, что создание словаря «первообразных» слов планировал еще М.В. Ломоносов. В 1742 г. в Академию наук был представлен «Лексикон» Кирьяка Кондратовича и «Реэстр российских слов» А.И. Богданова. В 1759 г. А.П. Сумароков публикует статью «О коренных слова русского языка». Об архаизирующих тенденциях как реакции на языковую политику государства можно судить по «Начертанию о российских сочинениях и русском языке», которое принадлежит А.С. Шишкову. Все работы патристически настроенных филологов XVIII–XIX вв. были обусловлены также тем, что основными языками, определяющими сферу культурной коммуникации в российском обществе, вплоть до середины XIX в. служили французский и немецкий языки. Здесь можно рекомендовать учителю и ученику обратиться к книгам, в которых доступно освещается история возникновения и бытования собственно российских этногенетических нарративов (см., например: [Богданов 2006]).

Не следует полагать, что мы в России сегодняшнего дня – это лингвокультурный уникум в своих поисках. Наоборот, это общее следствие поиска национальной идентичности, и началось оно не в XX в. и не в России. Вряд ли стоит гово-

речь о подражании, безумном заимствовании, прямом влиянии вплоть до идеологической интервенции. Скорее – о типологических параллелях.

Стало уже тривиальным говорить о кризисе применительно к странам Центральной и Восточной Европы, точнее говоря, о кризисе идентичности во всех странах, которые до Первой мировой войны принадлежали трем «центрально-империям» (России, Австро-Венгрии, Османской империи), а после Второй мировой войны – СССР. Экономическое отставание от Западной Европы и связанные с ним чувства отторжения или презрения составляют ту «философскую географию», которая связана непосредственно с дискуссиями о том, где находится Восточная Европа: в Европе или в Азии [Серио 2012]. Этот вопрос возник не вчера, а в эпоху Просвещения и даже раньше.

В правильном понимании исторической ретроспективы вопроса помощь учителю может оказать книга У. Эко «Поиски совершенного языка в европейской культуре» [Эко 2007]. Начало надо искать в Европе XV в. В труде Джованни Анния 1498 г. повествуется, как в Этрурии еще до греков поселились Ной и его потомки. Мысль о том, что тосканский язык произошел от этрусского и тем самым от арамейского, на котором говорил Ной, развивал во Флоренции Джован Баттиста Джелли в XVI в. Данная мысль воодушевила Гийома Постеля, который признавал происхождение кельтов от потомков Ноя. А Горопий ван Бекан поддерживал в том же XVI в. идею о первоизданном языке, в котором существует мотивированная связь между словами и предметами, и находил эту связь яснее всего выраженной в голландском языке, точнее, в антверпенском диалекте.

Но одно дело доказывать, что какой-то конкретный национальный язык благороден, поскольку происходит от первоначального языка, будь то язык Адама или Ноя, и совсем другое – утверждать на тех же самых основаниях, будто это и есть единственный и совершенный язык. До такой крайности в западноевропей-

ской историко-филологической науке впервые дошли ирландские грамматисты. А до XIX в. дожила так называемая фламандская теория, в которой утверждается, что фламандский язык – единственный, на котором говорило человечество в своей колыбели, и что один только он и может называться языком, а все остальные, мертвые и живые, не более чем диалекты или жаргоны, более или менее закамouflированные. Рядом с голландско-фламандской теорией существуют шведская, так как именно в Швеции якобы поселился Иафет со всеми своими потомками и из этой колыбели народов и языков произошли все остальные. У грамматиста Олафа Рудбекия в его труде под названием «Atlantica» говорится, что греческие буквы произошли от рун и что руны – это перевернутые финикийские буквы, из которых Кадм устроил алфавит, подобный еврейскому, означающий те же самые буквы; греки же их, наконец, выправили и вычертили по линейке и циркулю; а поскольку изобретатель рун среди готов звался Меркуроман, то, значит, Меркурий, который изобрел буквы у египтян, был готом.

Многokrратно повторяющиеся догадки о праве первородства немецкого языка тревожили германский мир с XIV в. И они постоянно появляются, потому что германский протестантский мир защищает немецкий как язык, на который Лютер перевел Библию. Кроме того, такого рода притязания должны рассматриваться в контексте политической раздробленности, последовавшей за Тридцатилетней войной. Поскольку немецкий язык оказался одним из самых важных факторов объединения нации, его значимость следовало подчеркивать, а сам язык – освобождать от иностранных влияний.

Естественно, у британцев защита кельтского языка, в противовес германской традиции, приобретает совсем иные коннотации. Так, Роулэнд Джонс утверждал, что первоначальным языком был кельтский и что никакой другой язык, кроме английского, не может приблизиться так к первому универсальному языку, к его природной точности и соответствию меж-

ду словами и предметами, в той самой форме и манере, в какой его следует представлять как универсальный язык. По его словам, английский язык есть мать всех европейских диалектов, включая греческий; старший брат восточных языков и, в нынешней своей форме, живой язык обитателей Атлантики и аборигенов Италии, Галлии и Британии, давший римлянам все те их слова, которые не заимствованы из греческого, и их грамматические имена, а также и многие основные имена многих частей земного шара.

Как видим, фантастические историко-филологические гипотезы, касающиеся родного языка, характерны в целом для европейского национального самосознания, а не только для русского.

Сказанное позволяет еще раз обратить внимание учителя и ученика на то, что характерной приметой развития современного гуманитарного (историко-филологического) знания является поворот проблематики фундаментальных исследований в сторону антропоцентризма, что проявляется, в частности, в возрастающем интересе к проблемам сознания – индивидуального и общественного, в том числе национального и этнического.

ЛИТЕРАТУРА

Базылев В.Н. Криптолингвистика. – М., 2012.

Базылев В.Н. Политика и лингвистика: «В слове русском Бог» // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47)

Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М., 2006.

Голубев И.А. Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма в кернах. – М., 2007.

Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю. О русском языке и не только о нем. – М., 2010.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб., 1998.

Серио П. Языкознание Ресентимента в Восточной Европе // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41).

Стернин И.А. Язык и национальное сознание // Логос. – 2005. – № 4 (49).

Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. – Том 2. – М., 1996.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб., 2007.

(Окончание текста со с. 29.)

Полезно выполнить и такое задание:

Подберите несколько фразеологизмов с существительным *сердце*, укажите их значения, составьте 3–5 предложений с составленными устойчивыми выражениями.

Ключ. *Принимать близко к сердцу, большое сердце, дама сердца, друг сердца, за сердце берет, из сердца вырвать* и др.

Такой путь анализа фразеологизмов позволяет учителю подготовить определенную лингвометодическую базу для рассмотрения этого пласта языка в коммуникативном аспекте. Вот почему актуальными будут и такие задания:

1. Подберите ряд фразеологизмов, учитывая такие речевые ситуации: 1) внезапное исчезновение друга, собеседника; 2) усердное, прилежное отношение к делу; 3) быстрый бег человека.

Ключ. 1) *Как в воду канул*; 2) *не покладая рук, засучив рукава* и др.; 3) *со всех ног, сломя голову*.

2. Объясните, в каких речевых ситуациях данные фразеологизмы могут употребляться в прямом и переносном значении: *дать прикурить, вырывать с корнем, прижимать к стенке, протянуть руку, расправлять крылья, ходить на цыпочках*.

3. Изменяя форму слов, восстановите фразеологизмы:

1) держать, футляр, лебедь, рог, стоять, отпущение, седой, зарубить, вопрос, обливаться, волочить, смотреть, луна, рука, провалиться;

2) свалиться, щекотливый, козел, часы, изобилие, человек, нос, слезы, нога, медвежья, пальцы, тяжелый, треск, земля, язык.

Таким образом, предложенные упражнения активизируют коммуникативно-речевую деятельность школьников.